

DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-105-109
УДК 811.512.145

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КНР

© Альфия Юсупова, Гузель Набиуллина

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE COLLOQUIAL SPEECH OF THE TATAR DIASPORA IN CHINA

Alfiya Yusupova, Guzel Nabiullina

Studying the language of the Tatar diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR, China), Tatar-Uyghur and Tatar-Chinese bilingualism in particular, we aim to reveal new and little-studied lexicographic material, which will enrich the theoretical aspects of lexicology.

The history of the Tatar language development in China needs active research, because it will allow introducing new material about the language of the Tatars from the Eastern Diaspora into scientific circulation and will fully present it as a historical and cultural phenomenon.

The paper studies foreign language inclusions in the speech of the Tatars from the XUAR, China. The study uses material, collected by the authors during their expedition to the cities of Urumqi and Gulja (China) in 2008–2013, various written sources published by ethnic Tatars in China, as well as works of oral folk art.

Based on the research, the paper concludes that the Tatar Diaspora of China is a carrier of several cultures, but the native language is an important component of ethnic and cultural identity. The national and cultural ties with the Uighurs, Kazakhs, and the Chinese people created favorable conditions for the penetration of foreign words into the language of the Tatar Diaspora. Therefore, foreign language vocabulary has become a subject to semantic and phonetic adaptation. Our research results show that the development of the lexical structure of speech of the Tatar Diaspora in polylingual China is mainly due to borrowings.

Keywords: identity, ethno-cultural identity, Tatar Diaspora, linguistic picture of the world, Tatar language, vocabulary.

Исследование истории развития языка татарской диаспоры Синьцзян-уйгурского автономного района (Китай), в частности татарско-уйгурского, татарско-китайского билингвизма, имеет целью выявить оригинальный и малоизученный лексикографический материал, что позволит обогатить теоретические аспекты лексикологии.

История развития татарского языка на Востоке требует активного исследования в том числе и потому, что это позволит ввести в научный оборот новый материал о языке татар на Востоке и даст достаточное представление о нем как об историко-культурном явлении.

В работе исследованы иноязычные вкрапления в речи татар Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (далее – КНР). В ходе исследования были использованы материалы, собранные авторами во время экспедиции в города Урумчи и Кульджа (КНР) в 2008–2013 гг., разнообразные письменные источники, опубликованные этническими татарами на территории Китая, а также произведения устного народного творчества. На основании проведенного исследования делается вывод, что татарская диаспора в Китае является носителем нескольких культур, но родной язык является важным компонентом этнокультурной идентичности. Национально-культурные связи с китайским народом, уйгурами и казахами создали все условия для проникновения иноязычных слов в речь и язык татарской диаспоры. Иноязычная лексика подвергается смысловой, а также фонетической адаптации. Как показывают наши исследования, развитие лексического состава речи татарской диаспоры в полилингвальном Китае, в основном, происходит за счет заимствований.

Ключевые слова: идентичность, этнокультурная идентичность, татарская диаспора, лингвистическая картина мира, татарский язык, лексика.

Вопросы изучения языковой идентичности особенно актуальны для татарской диаспоры, проживающей в Китае. С одной стороны, в связи с произошедшими историческими событиями в региональном китаезычном окружении идентичность татарской диаспоры развивалась изолированно от современной татарской этнической культуры. С другой – в результате тесного территориального контакта и социокультурных связей с тюркскими народами, прежде всего с уйгурами и казахами, татарская диаспорная идентичность претерпела определённые изменения [Госманов], [Features of the Language of Tatars Living in China].

Изучение иноязычных вкраплений в речи татар, проживающих именно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, стало целью данной статьи в связи с тем, что эта территория стала центром татарской восточной эмиграции. При проведении исследования использованы авторские материалы из экспедиции в города Урумчи и Кульджа (КНР) в 2008–2013 гг., различные письменные источники, которые опубликованы татарами в Китае, а также произведения устного народного творчества.

Анализ иноязычной лексики речи татар показывает, с одной стороны, ее общность с современным татарским литературным языком, с другой – черты, характерные только для данного ареала.

В речи татарской диаспоры в КНР происходило закономерное обновление лексики татарского языка за счет обогащения близкими по звучанию и значению словами из родственного уйгурского языка.

По имеющимся данным, а также учитывая прямое и сильное влияние уйгурского языка и культуры на татарскую диаспору, можно сказать, что данный пласт лексики является доказательством плотных этнокультурных отношений. Тематический диапазон уйгурской лексики в речи татарской диаспоры достаточно разнообразен и охватывает различные социально-культурные и бытовые сферы: лексико-семантическая группа, отражающая родственные отношения: *әчә* – ‘сестра’, *нәбрә* – ‘внук’, *чәврә* – ‘правнук’, *бер нәбрә* – ‘племянник’, *мумай* – ‘бабушка’; названия пищи: *кыйзы* – ‘колбаса’, *лагман* – (суп с лапшой), *санза* – ‘хворост’, *кант* – ‘сахар’, *гөреш* – ‘рис’; предметы быта и домашнего обихода: *дәстихан* – ‘скатерть’, *чока* – ‘палочка’, *кулуп* – ‘замок’, *тәхсә* – ‘тарелка’; названия природных явлений: *әсән-хәсән* – ‘радуга’, *чакмак* – ‘молния’, *шакиратма* – ‘водопад’, *мөлдәр* – ‘град’; названия растений: *кунак* – ‘кукуруза’, *бадам* – ‘миндаль’, *армут* – ‘груша’,

пияз – ‘лук’, *сәвзә* – ‘морковь’, *долана* – ‘боярышник’, *чамагур* – ‘редька’, *көкнар* – ‘мак’, *шантул* – ‘персик’, *тавуз* – ‘арбуз’, *тәрхәмәк* – ‘огурец’; названия животных и птиц: *кәптәр* – ‘голубь’, *тоху* – ‘курица’, *кув* – ‘лебедь’, *һораз* – ‘петух’; названия одежды и обуви: *көйнәк* – ‘рубашка’, *бәк* – ‘шапка’, *пайпак* – ‘носки’; лексемы, обозначающие время: *бахар* – ‘весна’, *йаз* – ‘лето’, *тичин* – ‘обед’, *сабах* – ‘утро’; названия профессий и ремесел: *кәтип* – ‘секретарь’, *дихан* – ‘крестьянин’; прилагательные: *аламәт* – ‘очень большой’, *татлик* – ‘сладкий’, *пакар* – ‘низкий’, *тәйيار* – ‘готовый’, *бикарь* – ‘пустой’ и т. д. Среди слов имеют место как новоуйгурские, так и адаптированные арабо-персидские и китайские заимствования.

По имеющимся данным, в диалектологических и этимологических словарях татарского языка, в речи татар, проживающих в Китае, отражены лексемы, общие со всеми диалектами татарского языка и уйгурским языком. Интересно отметить, что среди уйгурской лексики изучаемого ареала представлены слова, общие с восточным диалектом татарского языка. Например лексемы *мөшек* (литер. *песи*) – ‘кошка’ [Тумашева, с. 151], *кәптәр* (литер. *күгәрчен*) – ‘голубь’ [Татар теленәң..., с. 290], *һораз* (литер. *этэч*) – ‘петух’ [Тумашева, с. 135] встречаются в речи сибирских татар. Часть лексического материала принадлежит и мишарскому диалекту современного татарского языка: *чемәк* (литер. *кадак*) – ‘гвоздь’ [Татар теленәң..., с. 639], *алаша* (литер. *ат*) – ‘лошадь’ [Там же, с. 37], *куй* (литер. *сарык*) – ‘овца’ [Там же, с. 334], *йага* (литер. *чит әңир*) – ‘другое место, чужая земля’ [Там же, с. 224] и др.

Уйгурскую лексику, которую употребляют в речи татары, проживающие в КНР, и которая имеет отличия от современного татарского литературного языка, мы разделили на такие группы:

а) слова, которые в современном татарском языке и в его диалектах практически не употребляются: *әпкәч* – ‘коромысло’, *тәпкүч* – ‘конки’, *харәт* – ‘плотник’, *упа* – ‘пудра’, *дәзмал* – ‘утюг’, *читта* – ‘мочалка’ и т. д.;

б) слова, которые есть в татарском языке, но они слегка изменены по значению, что объясняется влиянием уйгурского языка: *буй* – ‘запах’, *шам* – ‘сумерки’, *чавак* – ‘аплодисменты’, *таки* – ‘шапка’ и т. д.;

в) слова, заимствованные из уйгурского языка с уйгурской фонетикой: *дәнзә* – ‘простыня’, *пәдәсчи* – ‘гример’, *турак* – ‘строфа’, *дәрваза* – ‘ворота’, *чәтәллик* – ‘иностранец’ и т. д.

Можно заметить, что в языке татарской диаспоры Китая функционирует пословица *Ир белән йер кугәрә* – ‘Мужчины зелены, омолаживают землю’. В этом случае слово *кугәрү* употребляется в значении «зеленить, омолаживаться». В Китае татары говорят: *Бидай наньң булмаса, бидай сүзең булсын* – ‘Если нет пшеничного хлеба, пусть будет пшеничное (хорошее) слово’ (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013).

Наряду с уйгурскими заимствованиями в речи татар активно употреблялись и слова арабского и персидского происхождения, которые были свойственны лексике татарского языка XIX – начала XX вв.

Арабо-персидские заимствования составляют значительную часть уйгурского письменного и разговорного языка. Это же характерно и для татарского литературного языка, но в уйгурском языке они приобрели другой фонетический облик, укоренились в нем как собственные и стали восприниматься как исконно уйгурские: *тахта* – ‘доска’, *тава* – ‘сковорода’, *дүшмән* – ‘враг’, *сағат* – ‘часы’, *сәпәр* – ‘путешествие’, *шадлик* – ‘радость’, *шаир* – ‘поэт’, *дәстемал* – ‘полотенце’ и т. д. В таком же фонетическом варианте они употребляются в речи татар, проживающих в Китае, но в татарском литературном языке эти слова имеют немного другой фонетический облик: *такта*, *таба*, *дошман*, *сәгать*, *сәфәр*, *шатлык*, *шагырь*, *тастымал* и т. д. (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013).

Арабо-персидские заимствования, зафиксированные в речи татар, проживающих в Китае, являются собой закономерный результат длительного взаимодействия языков и культур данного региона, которое сыграло немалую роль в обогащении лексики речи татарской диаспоры. Слова, заимствованные из арабского и персидского языков: *әйнәк* – ‘зеркало’, *клит* – ‘ключ’, *пул* – ‘деньги’, *бакали* – ‘торт’, *арзу* – ‘желание’, *пияз* – ‘лук’, *сәвзә* – ‘морковь’, *алакә* – ‘связь’, *кәнт* – ‘сахар’, *көкнар* – ‘мак’, *кахрива* – ‘янтарь’ и т. д. (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013). Данные арабо-персидские заимствования в современном татарском литературном языке практически не употребляются. Вместо них используются синонимы тюркского, русско-европейского происхождения или же синонимы из арабского или персидского языков: *көзге*, *ачкыч*, *торт*, *акча*, *теләк*, *суган*, *кишер*, *элементә*, *шикәр*, *мәк*, *янтарь*

Следует отметить, что арабо-персидские заимствования, пришедшие из уйгурского языка, употребляются в речи и в качестве синонимов

татарских слов. Например: *юл (татар)* – *сәпәр (араб.)* – ‘путешествие’; *теләк (татар.)* – *арзу (араб.)* – ‘желание’; *куаныч (татар)* – *шадлик (араб.)* – ‘радость’ и т. д.

Будучи наиболее проницаемой частью языка, лексика подвергается максимальному воздействию со стороны других языков. Без связи с исторической родиной и нацией локальные особенности речи татар будут определять многоязычная окружающая среда и факторы исторического развития региона.

Для лингвистической картины татарской диаспоры в КНР характерно взаимопроникновение и смешение лексических явлений русско-европейского и китайского языков.

Условия для проникновения заимствованной лексики в язык татар, населяющих Китай, были созданы за счет тесного территориального и национально-культурного контакта с прочими языками (как родственными, так и неродственными), имеющими распространение в изучаемом ареале.

В Синьцзян-уйгурском автономном районе закономерно прослеживается влияние китайского языка как доминирующего языка территории, который в течение долгого времени обогащал язык татарской диаспоры китайскими лексемами

Татарский язык, таким образом, пополнился различными по времени проникновения и происхождению заимствованиями [Набиуллина, Фатхуллова, с. 185].

Китайские заимствования, укоренившиеся в языке китайских татар, поясняют в основном государственное устройство страны и особо важные аспекты культурного, социального и исторического развития Китая.

Мы выделили следующие группы лексем:

а) общественно-политические лексемы: *цзунтун* – ‘президент’, *бучжан* – ‘министр’, *цзунли* – ‘премьер-министр’, *чжужэнь* – ‘глава’, *ханьцзу* – ‘китайская нация’, *хуацяо* – ‘китайский эмигрант’, *цзаницзу* – ‘тибетец’; *кэсюэюань* – ‘академия наук’, *цзююань* – ‘театр’, *дашуе* – ‘университет’, *цзинцзюй* – ‘театр, пьеса, драма’ и т. д. (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013);

б) предметы быта: *доуфу* – ‘бобовый сыр’, *момо* – ‘хлеб, приготовленный на пару’, *цинцай* – ‘зеленые овощи’, *цзюцай* – ‘лук душистый’, *цун* – ‘лук’, *лобу* – ‘редька’, *цеззы* – ‘баклажан’, *ципао* – ‘женское платье со стоящим воротником’ (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013);

в) обычаи, ритуалы, природные явления: *янгэр* – ‘песни, которые поют во время пересадки риса и в новогодние праздники’, *саньцзюсань* – ‘самое холодное время зимы’ (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013).

Лексическое заимствование происходило по мере того, как татарские эмигранты осваивали жизнь и быт в чужой стране. И хотя контакты татар с китайцами в Синьцзяне были плотными и многочисленными, китайских заимствований в языке татарской диаспоры не много. Этому способствовали следующие причины: а) сложный фонетический облик китайского слова; б) татары, учитывая свое историческое и культурное наследие, воспринимали родной язык как более значимый.

Нужно отметить, что в речи татарских эмигрантов китайские заимствования употребляются синонимично с исконными лексемами или с другими заимствованиями. Например, *цзяошоу* / 'университет', *дасюэ* / 'университет', *чжадао* / *бычак* – 'нож', *мифэн* / *гөрүш аши*, *санзан* / *куймак* – 'блины', *йанйу* / *бәрәңге* – 'картофель' и т. д. (материалы авторов, Урумчи, Китай, 3 г.).

Учитывая то обстоятельство, что татарская диаспора в данном регионе испытала сильное языковое и культурное влияние со стороны Китая, следовало бы ожидать, что основной пласт лексики будет заимствован из китайского языка. Но анализ собранного материала показывает, что в татарской речи преобладают уйгурские слова и русско-европейские заимствования.

Русско-европейские слова, которые сохранились и продолжают бытовать в речи диаспоры, представляют особый интерес. Они являются результатом длительного исторического диалога языков и культур ещё до эмиграции, который особенно усилился в XVI в., после присоединения Казанского Ханства к Русскому государству. Русский и татарский народы жили на одной территории, объединенные общими заботами и проблемами, которые и способствовали проникновению русско-европейских заимствований в татарский язык. Многие русско-европейские заимствования в речи татар КНР привнесены из прежних мест проживания. Например: *паднус* – 'поднос' *самавыр* – 'самовар', *понар* – 'фонарь', *кампит* – 'конфета', *камыт* – 'хомут', *сумала* – 'смола', *бүрәнэ* – 'бревно' и т. д. (материалы авторов, Урумчи, Китай, 2013). Они приобрели татарский фонетический облик, употребляются в татарской речи и зафиксированы в толковых и диалектологических словарях татарского языка.

Неизменность, устойчивость, сохранность данных лексических единиц и сегодня говорит о том, что в речи диаспоры используются самые частотные слова, которые вошли в татарский язык очень давно в результате коммуникации русского и татарского народов.

Также среди зафиксированных материалов можно увидеть следующие русско-европейские

слова, которые вошли в татарскую речь из новоуйгурского языка: *импорт* [Наджиб, с. 179], *буржуй* [Там же, с. 218], *телеграм* [Там же, с. 346], *хронометр* [Там же, с. 424], *идея* [Там же, с. 162], *батинка* – 'ботинки' [Там же, с. 207], *кастум* – 'костюм' [Там же, с. 639], *карта* [Там же, с. 581], *телефон* [Там же, с. 346], *телевизор* [Там же, с. 346], *радио* [Там же, с. 459], *консул* [Там же, с. 657], *агроном* [Там же, с. 694], *физика* [Там же, с. 571], *машина* [Там же, с. 696], *автобус* [Там же, с. 55], *аэропорт* [Там же, с. 59], *аэроплан* [Там же, с. 59] и т. д. Эти слова в татарском языке появились в более поздний период, точнее после октябрьской революции, когда татарская диаспора в Китае уже сложилась и утвердилась как самостоятельная сплочённая и устойчивая этническая группа.

Проведенное авторами исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Обилие и разнообразие лексического состава речи татарской диаспоры, во-первых, объясняется различием уровней владения родным татарским языком, во-вторых, этнокультурными взаимодействиями в полилингвальном Китае.

2. Современная татарская диаспора в исследуемом ареале, сформировавшаяся из татарских, уйгурских и казахских этносов в окружении языков и культур китайских народов, не могла сохранить общепотребительную лексику, являющуюся нормой для татарского литературного языка. Слова заимствовались из уйгурского (как тюркизмы, так и арабизмы и интернациональные слова) и китайского языков. Нужно отметить, что арабо-персидские и русско-европейские заимствования, проникшие в словарный состав старотатарского языка при определенных социально-экономических условиях, являются также результатом длительного исторического диалога языков и культур ещё до эмиграции.

3. Учитывая прямое и сильное влияние уйгурского языка и культуры на татарскую диаспору, можно сказать, что слова, заимствованные из уйгурского языка, является доказательством плотных этнокультурных отношений. Тематический диапазон уйгурской лексики в речи татарской диаспоры достаточно разнообразен и охватывает различные социально-культурные и бытовые сферы.

4. Взаимодействие татарского языка с китайским происходит также во всех сферах функционирования татарского языка: социально-культурной, общественно-политической, научной и, в определенной мере, официально-деловой.

Настоящее исследование касается лишь малой части рассматриваемой проблемы и не ис-

черпывает всего содержания. Полученные результаты открывают перспективы для продолжения исследования речи татарской диаспоры Китая, такие как дальнейшее изучение языка зарубежных восточных и западных татарских диаспор, сбор большего лингвистического материала, анализ и систематизация полученных научных результатов.

Список литературы

Набиуллина Г. А., Фатхуллова К. С. Китайские языковые элементы в речи татарской диаспоры, проживающей в КНР // Альманах современной науки и образования. Тамбов. Грамота, 5 (45). 2011. С. 182–185.

Надзип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., Сов. Энциклопедия, 1968. 828 с.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.

Госманов М. Ябылмаган китап яки чәчәлгән орлыклар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. 206 б.

Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 839 б.

Yusupova A. S., Denmukhametova I. N., Nabiullina G. A., Mugtasimova G. R. Features of the Language of Tatars Living in China J. Middle-East Jour-

nal of Scientific Research. Volume 17 (2). 2013. Pp.168–172.

References

Gosmanov, M. (1996). *Iabylmagan kitap iaki chechelgen orlyklar* [Uncovered Books or Sown Seeds]. 206 p. Kazan, Tat. kit. neshr. (In Tatar)

Iusupova, A. S., Denmukhametova, I. N., Nabiullina, G. A., Mugtasimova, G. R. (2013). *Features of the Language of Tatars Living in China J. Middle-East Journal of Scientific Research*. Volume 17 (2). Pp. 168–172. (In English)

Nabiullina, G. A., Fatkhullova, K. S. (2011). *Kitaiskie iazykovye elementy v rechi tatarskoi diaspory, prozhivaiushchei v KNR* [Chinese Language Elements in the Speech of the Tatar Diaspora Living in China]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*. Pp. 182–185. Tambov. Gramota, 5 (45). (In Tatar)

Nadzhip, E. N. (1968). *Uygursko-russkii slovar'* [Uyghur-Russian Dictionary]. 828 p. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Tatar telenen zur dialektologik syzlege (2009) [Large Dialectological Dictionary of the Tatar Language]. 839 p. Kazan, Tatarstan kitap nashriaty. (In Tatar)

Tumasheva, D. G. (1992). *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of Dialects of the Siberian Tatars]. 255 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

The article was submitted on 02.10.2020

Поступила в редакцию 02.10.2020

Юсупова Альфия Шавкетовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alyusupova@yandex.ru

Набиуллина Гузель Амировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
guzelNab2@yandex.ru

Yusupova Alfiya Shavketovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alyusupova@yandex.ru

Nabiullina Guzel Amirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
guzelNab2@yandex.ru